

М.А. Ведешкин

Правление Константина I и Констанция II в трудах представителей
куриальной оппозиции

Правление императоров Константина I и Констанция II ознаменовалось завершением начатого тетрархами процесса преобразования Римской империи. Были укреплены и унифицированы центральное и провинциальное управления, реорганизована финансово-податная система империи, увеличена армия и бюрократический аппарат. Власть монарха стала абсолютной.

Проходившая в первой половине IV в. трансформация общества вызвала резкое обострение социальных противоречий. Их выражением стало распространение оппозиционных настроений среди части элиты имперского общества. Одним из заметных явлений политической жизни Римской империи рассматриваемого периода стала деятельность оппозиции, порожденной сословием куриалов. Система социально-политических, экономических и идеологических воззрения куриальной оппозиции нашла отражение в трудах ритора Либания, историков Аммиана Марцеллина и Евнапия Сардского (значительная часть трудов которого сохранилась в переложении Зосима), а также императора Юлиана, разделявшего ряд воззрений куриальной аристократии.

Отличительной чертой сочинений этих авторов является острая критика режимов Константина I и Констанция II. Так, уже в последние годы своего правления Константин подвергался яростным нападениям представителей тесно связанной с сословием куриалов языческой интеллигенции, как «разрушитель (наследия) предков» (Paras. 55). Через несколько десятилетий после смерти императора Либаний говорил, что «все люди проклинаят его (Константина)» (Lib. Or. XXX.37), а его сын Констанций II, «получив от отца искру злополучия, довел ее до полного разгара» (Lib. Or. LXII. 8). Согласно данным Суды, резкая критика Константина содержалась в несохранившейся части «Истории»

Евнапия Сардского (Sud. Карра 2285). Нелестно отзывался языческий автор и о «тиране»¹ Констанции II: «Пословица говорит, что жатва видна по стеблю, и Констанций показал тогда, какого он отца сын» (Eunap. Hist. Fr. 8). Целью настоящей работы является выявление социально-экономических, политических и идеологических факторов, приведших к формированию подобного восприятия центральной власти среди представителей куриального сословия.

Приступая к характеристике означенного явления, представляется необходимым дать краткую оценку положения сословия куриалов к началу рассматриваемого периода.

Вплоть до начала IV в. в муниципиях восточной части Римской империи безраздельно господствовала местная земельная аристократия, организованная в городские советы – курии (буле). Курии ведали организацией деятельности коммунальных служб города, строительством и ремонтом общественных зданий, сношениями жителей с центральной властью². Кроме того, под контролем курий находились земли, являвшиеся коллективной собственностью граждан полиса, и податная округу города, на территории которой муниципальные организации осуществляли административно-фискальные функции³.

Принадлежность к сословию куриалов, из которого рекрутировались члены городских советов – декурионы (булевты), определялась происхождением, местожительством и имущественным положением. Имущественный ценз, необходимый для вступления в курию, варьировался в зависимости от конкретного полиса, от весьма высокого⁴ до относительно низкого⁵. По той причине, что в Римской империи земельные владения были наиболее распространенной и почитаемой формой богатства, представители

¹ Eunap. V. Soph. 477.

² [Курбатов, 1962, с. 175].

³ См. [Князьский, 2010, с. 67; Ростовцев, 2001, с. 227–228; Серов, 1999, с. 41–42]

⁴ Например, в III в. для вступления в курию Оксиринха нужно было обладать имуществом стоимостью 10000 драхм (Р.Оху. XLIV 3175).

⁵ По закону Констанция II от 342 г. скромного надела в 25 югеров было достаточно для вхождения в сословие куриалов (СTh. XII.1.33). См. [Jones, 1986, с. P. 738]

сословия куриалов, были, прежде всего, землевладельцами⁶. Несмотря на то, что по своему экономическому положению сословие было неоднородно⁷, в целом, к началу IV в. члены курии были зажиточными. Описывая положение курий к началу IV в. Либаний отмечал: «...курии процветали во всех городах, и была у куриалов и земля, и лучшие дома, и деньги бывали у каждого... и участие в курии было признаком благосостояния» (Lib. Or. XLIX.2).

Центральная власть, рассматривавшая имущие слои городского населения как свою социальную опору, поддерживала контроль куриальной знати над полисами. Согласно имперскому законодательству куриалы являлись привилегированным сословием: они были освобождены от экстраординарных платежей и телесных наказаний⁸. Таким образом, к началу IV в. куриальная аристократия обладала значительным экономическим потенциалом и социально-политическим влиянием.

До конца III в. империя существовала как «союз городов и городских территорий», а не как единая монархия с единым населением⁹. Самоуправляемые городские общины – муниципии или полисы являлись основными социально-экономическими ячейками Римской державы¹⁰. Муниципии обычно включали собственно городской центр и хору – прилегающую сельскохозяйственную округу¹¹. Часть хоры находилась во владении жителей муниципии или местных корпораций, а часть в формальном ведении всего коллектива граждан, а по сути, под контролем органов муниципального самоуправления. Использование принадлежавших городу ресурсов, запасов продовольствия и денежных средств давало полисной элите возможность в случае обострения противоречий между имущей и неимущей

⁶ [Фихман, 1976, с. 214; Ste. Croix de, 1989, p. 126–128].

⁷ [Курбатов, 1962, с. 23–28; 55–56] [Jones, 1953, p. 62].

⁸ [Лебедева, 1980, с. 134].

⁹ [Сергеев, 1938, с. с. 647]. Ср. [Ростовцев, 2001, с. с.134].

¹⁰ [Jones, 1986, p. 712–713]

¹¹ Размер территории приписанной к полису хоры, мог заметно отличаться, в зависимости от статуса конкретной муниципии. Так, площадь сельской округи Антиохии превосходила 10000 кв. км. и таким образом, занимала значительную часть Северной Сирии ([Курбатов, 1962, с. 15–16; Грушевой, 2013, с. 69–70; Jones, 1998, p. 270]), земли администрируемые такими второстепенными поселениями как Кирры [Грушевой, 2013, с. с. 73–75] и Арад [Грушевой, 2013, с. С. 70] – около 3000 кв. км., многочисленные и расположенные близко друг от друга полисы провинций Ахайя и Азия, очевидно, имели значительно меньшую площадь [Jones, 1986, p. 716–717].

частью населения использовать эти средства для смягчения недовольства беднейших граждан¹². Таким образом, доходы, получаемые с общегородских имуществ, стабилизировали экономические и политические отношения в городе, поддерживали положение куриальной знати.

Начатая Диоклетианом и продолженная Константином I политика централизации Римской империи значительно увеличила государственные траты. В попытке компенсировать растущие расходы императоры начали проводить экспроприации земельной собственности городов империи и отдельных куриалов. Если при тетрархах подобная практика имела спорадический характер, то в период правления Константина I¹³ началось массовое изъятие владений полисов: земли, являвшиеся основой муниципальной экономики, перешли в ведение ведомства императорских имуществ¹⁴. По сути, курии утратили контроль над значительными территориями, ранее находившимися под их прямым или косвенным управлением¹⁵.

Сокращение общеполисных земельных владений вынуждало декурионов все больше полагаться на свои личные средства для отправления литургий. Престижное ранее членство в городском совете стало не только обременительным, но даже разорительным для декурионов среднего достатка, составлявших основу курии. В попытке уклониться от исполнения литургий представители куриальной аристократии продавали свое имущество, переходили в другие сословия, бежали из родных городов¹⁶. Эти действия позволяли избежать разорения отдельным декурионам, однако были губительны для куриальной организации в целом – повинности выбывших из

¹² [Курбатов, 1962, с. с. 69; 70].

¹³ Библиографию о времени изъятия полисных земель см. [Campbell et al., 2008, p. 301 n.142]. Впрочем, выводы Ж.-М. Карри, согласно которым конфискация была проведена при еще тетрархах не выглядят убедительно. Либаний упоминал Лициния, как последнего императора, политика которого способствовала «процветанию городов» (Lib. Or. XXX.6). Это «процветания», которое Либаний явно противопоставляет последующему упадку времени Константина, едва ли было возможно обеспечить без земельных владений городов.

¹⁴ [Коптев, 1995, с. 66; Jones, 1986, p. 415; 732]. Более 10000 клеров земли было изъято только у Антиохии Сирийской. См. Jul. Misopog. 363c.

¹⁵ Как писал Либаний, «города лишились старых и принадлежавших им по праву владений», что «частные дома обогатило, а общественные объяло неприглядностью» (Lib. Or. XIII.45).

¹⁶ О бегстве куриалов в IV в. см.: [Лебедева, 1980, с. 137–140; Jones, 1986, p. 740–745].

муниципальных советов распределялись между оставшимися членами корпорации, усугубляли экономическое положение декурионов, не имевших желания или возможности выйти из курии.

Правительство, заинтересованное в сохранении курий как институтов фискального и административного контроля над полисами, пыталось пресечь бегство декурионов, издавая указы, ограничивавшие их возможности по переходу в другие сословия, прикрепляя их к конкретным муниципиям¹⁷. Однако, эти распоряжения исполнялись не слишком строго. Коррупционность государственного аппарата¹⁸ и потребность в привлечении представителей образованного слоя в органы государственного управления предоставляла куриалам широкие возможности для получения литургических иммунитетов. Характеризуя политику Констанция II по отношению к куриям, Либаний писал: «Констанций, на словах покровительствуя куриям, на деле был им врагом, переводя в другие должности тех, кто их покидал, и предоставляя незаконные иммунитеты» (Lib. Or. XVIII.147).

В середине IV в. бедственное состояние курий стало настолько очевидно, что правительство было вынуждено вернуть в их распоряжение часть доходов с ранее отобранных в пользу фиска земельных владений¹⁹. Некоторым городам даже был возвращен прямой контроль над долей их бывших угодий²⁰. Впрочем, судя по всему, возвращены были самые плохие земли, доходы с которых были недостаточны для поддержания муниципий. Оценивая положение курий в конце правления Констанция II Либаний замечал, что: «...они (курии) походили на морщинистых старушонок, одетых в лохмотья, и плакались ограбленные декурионы» (Lib. Or. XVIII.147).

Ухудшение экономического положения муниципальной знати шло рука об руку с ослаблением ее роли в политике. В первые десятилетия IV в.

¹⁷ См. СTh. XII.1.6; 10; 11; 12; 13; 22; 29; 31; 37; 40; 43; 45; 48.

¹⁸ О продаже государственных должностей и коррупции государственного аппарата см. [Jones, 1986, p. 393]; в частности при Констанции II см: [Фурман, 1968, с. 65–71; Серов, 2000, с. 33–34]

¹⁹ Юлиан упоминал, что Констанций даровал некоторые «суммы, ранее обездолженным городам» (Jul. Or. 42d–43a). Ср. СTh. IV.13.5.

²⁰ Либаний в речи «К антиохийцам, за риторов», написанной в 361 г., упоминал «поля города» (Lib. Or. XXXI.16).

куриальная аристократия постепенно оттеснялась новой военно-чиновнической знатью. Уже в последние годы правления Константина I тесно связанная с муниципальной аристократией восточных провинций языческая «партия» лишилась влияния при дворе²¹. Описывая окружение наследника Константина – Констанция II, Либаний с неодобрением замечал: «И философов, и софистов, и всех тех, кто почитает таинства Гермеса и муз, никого из них никогда не призывал он (Констанций) во дворец... а любил и держал при себе и делал своими советниками и учителями варваров, некоторых евнухов – сущую гибель» (Lib. Or. LXII.8)²². Власть в империи сосредоточилась в руках военно-чиновнической знати и придворных²³, зачастую выходцев из низов римского общества²⁴, выдвинувшихся, не в последнюю очередь, благодаря принятию христианской веры²⁵.

Новая знать, не обладавшая наследственным имуществом, стремилась укрепить свое экономическое положение, приобретая земли городов и муниципальной знати. Кичившийся своим благородным происхождением Либаний, с гневом говорил о «бедности декурионов» и «богатстве государственных служащих, из коих некоторые, продавая прошлый год кто мясо, кто хлеб, кто овощи, стали важными господами путем приобретения их (декурионов) имений» (Lib. Or. II.54). Ритор обличал «сыновей поваров», «валяльщиков», «уличных шатунов», получавших доходные должности, роскошные городские дома, обширные поместья на фоне обнищания

²¹ Ожесточенная борьба придворных группировок в последние годы жизни Константина нашла свое отражение в казни придворного философа – язычника Сопатра, вследствие интриг префекта претория Флавия Аблабия (Eunap. V. Soph. 462–463). Ср. Zos. II.40. Авторы «Свиды» пишут, что Константин приказал казнить Сопатра, чтобы доказать своему окружению, что он более не язычник (Sud. Sopatros).

²² Либаний несколько сгущал краски, говоря, что в окружении Констанция II не было представителей языческой интеллигенции. Так, на второй половине правления Констанция заметным влиянием обладал ритор Фемистий. См. [Heather, Moncur, 2001, p. 43–68; Vanderspoel, 1995, p. 87–113], кроме того, расположением императора пользовался философ Евстафий, возглавивший в 358 г. посольство в Персию (Amm. XVII.5.15; Eunap. V. Soph. 242–243). Вместе с тем, не вызывает сомнений, что по своему влиянию на императора представители муниципальной аристократии и языческой интеллигенции заметно уступали новой военно-чиновной знати, придворным евнухам и епископам.

²³ При Константине отмечалось резкое увеличение штатов придворных и чиновников (Euseb. V. Const. IV.1).

²⁴ См. Lib. Or. II.54; XLII. 11; Or. XVIII. 132.

²⁵ Даже панегирист Константина Евсевий Кесарийский отмечал: «...сам я замечал владычество... ненасытных и лукавых людей, расхищавших чужое имущество, ...обманщиков, лицемерно присоединившихся к Церкви и ложно носивших имя христиан. Человеколюбие и добролюбие, искренность веры и прямотуши располагали василевса доверять людям, бывшим, по-видимому, христианами и под маской притворства старавшимся снискать истинное его расположение» (Euseb. V. Const. IV.54). Ср. Aur. Vict. Caes. XLI.20; Malal. XIII. 3–4.

муниципальной знати (Lib. Or. LXII.11)²⁶. Для него они были «трутнями», «церберами многоголовыми», «преступниками, что воровали, обирали, позволяли себе всяческие угрозы ради приобретения» (Lib. Or. XVIII.130–135)²⁷. Схожего мнения о представителях новой аристократии придерживались и младшие современники Либания. Аммиан Марцеллин отмечал, что «впервые Константин дал открыть пасть своим приближенным, а Констанций кормил их до отвала самым мозгом провинций» (Amm. XVI.8.12). О придворных и чиновниках Констанция Аммиан писал, что они «поднялись из крайней бедности до колоссальных богатств. Усвоив привычку захватывать чужое, они не знали никакой меры в дарениях, грабеже и расточении» (Amm. XXII.4.3). Еще более невысокого мнения был историк об императорских евнухах (ibid. XVIII.4.4). Юлиан говорил об окружении Констанция, как о «чудовищах, смотревших на каждого с вожделением» (Jul. Ep. 19(33)). Схожего мнения о придворных Констанция придерживался и Зосим (Zos. II.55). «Пьяной толпой» называл приближенных Константина Евнапий Сардский (Eunap. V. Soph. 238–239)²⁸.

Критике куриальной оппозиции также подвергалась и поддерживаемая императором религия – христианство. Даже сдержанный Либаний называл христианство «плохим культом» (Lib. Or. XVII.9), а положения христианского учения «смехом и пустословием» (Lib. Or. XVIII.178). Император Юлиан почитал христианскую веру «нечестием», а самих галилеян (христиан) именовал «безумцами», которых следовало бы лечить²⁹. По мнению Зосима, который, очевидно передавал свидетельства Евнапия, христианство было религией, к которой обращались вконец испорченные люди, надеясь на прощение своих грехов (Zos. II.29; IV. 59)³⁰.

С одной стороны, критика христианства была вызвана ролью, которую играла новая религия в системе государственного управления. Христианство,

²⁶ Ср. Zos. II.38.1.

²⁷ Ср. Lib. LXII.10–11; 23–24.

²⁸ Ср. Eunap. Hist. fr. 64.

²⁹ См. Jul. Ep. 25(87); 33(61C); 38(83); 39(84); 44(89A); 45(89B); 51(107).

³⁰ Ср. Jul. Caes. 336.

являясь средством идеологической централизации Римской державы, закрепляло процессы централизации социально-экономической и политической структуры империи, способствовавшие разложению полисного строя. С другой, церковная организация сама играла заметную роль в ослаблении муниципальных организаций и куриального сословия. Еще при Константине христианским общинам были переданы доходы с части полисных земель (Theod. HE. I.11; Soz. I.8) и имущество осужденных, не имеющих прямых наследников, ранее переходившее в распоряжение курий³¹ (Soz. I.8). Зачастую, не довольствуясь полученными от государства средствами, Церковь предпринимала прямые захваты земельной собственности муниципий³².

Одной из основных причин отрицательного отношения полисной аристократии к христианским священнослужителям стали дарованные им литургические и фискальные иммунитеты. Уже в 313 г. представители клира были освобождены от необходимости исполнения куриальных литургий (CTh. XVI.2.1–2; Euseb. HE. X.7; Opt. App. X)³³. После издания данного закона начался массовый переход в христианство и вступление в ряды клира представителей муниципальной аристократии³⁴. В целом, в середине IV в. переход в клир стал одним из самых распространенных способов избежать отправления муниципальных литургий. Переход декурионов в клир приобрел такие масштабы, что уже в 326 г. Константин был вынужден пойти на ограничение максимального количества христианских священнослужителей (CTh. XVI.2.6). Это ограничение, впрочем, было снято Констанцием II, полагавшим, что: «Наше государство более поддерживается религией, чем

³¹ См. CTh. V.6.2.

³² Юлиан Отступник, сравнивая свое царствование с правлением своих предшественников, не без гордости отмечал, что при нем Церковь уже не имеет возможности «присваивать чужое добро и все забирать себе» (Jul. Ep. 57 (52W)).

³³ Ср. CTh. XVI.2.3.

³⁴ Согласно свидетельству Афанасия Александрийского: «Одни из них (куриалов) прямо от идолов, другие из сената (курии) и из первых правительственных мест, для этого жалкого увольнения от службы, для людского покровительства... вступали в епископский сан, прежде, нежели были оглашены» (Athan. Hist. Ar. 78). Ср.: Athan. Hist. Ar. 73; Pallad. V. Chrys. XV. Яркими примерами, принятия сана из своекорыстных побуждений являлись епископы Пегасий Троадский и Герон Фиваидский – криптоязычники или даже циничные религиозные нигилисты, покинувшие свои кафедры сразу же после отмены иммунитетов клира (Jul. Ep. 34(79); Philost. VII.13).

гражданской службой или физическим трудом...» (CTh. XVI.2.16)³⁵. По очевидным причинам, освобождение христианских клириков от участия в отправлении литургий и выплата налогов, взыскиваемых с городов, вызывало сопротивление декурионов: которые, вопреки императорским эдиктам, приписывали клириков к куриям, заставляли их платить налоги³⁶.

Недовольство муниципальной аристократии церковной организацией вызывало и усиление ее политической активности. Уменьшение земельного фонда курий не позволяло городским советам расходовать большие средства на поддержку городской бедноты, влияние курии на городской плебс падало. В то же время, ресурсы, полученные христианскими общинами в правление Константина и Констанция, позволяли Церкви привлекать к себе народные массы посредством широкой благотворительности³⁷. Вслед за укреплением влияния Церкви на низшие и средние слои городского населения возрастало ее политическое значение. По сути, рост влияния клира на городской плебс проходил параллельно ослаблению влияния муниципальной организации на народные массы.

По этим причинам куриальная знать была недовольна деятельностью высшего клира. Умеренный Аммиан Марцеллин, в целом, уважительно относившийся к постулатам новой религии³⁸ и с симпатией отзывавшийся о служении сельских священников³⁹, с нескрываемым презрением говорил о пороках высшего клира, образ жизни которого, разительно отличался от идеалов евангельской простоты (Amm. XXVII.3.14–15): епископы нагло вмешивались «не в свои дела» (ibid. XV.7.6), интриговали (ibid. XXII.11.4-6); своими спорами разжигали конфликты черни (ibid. XXVII.3.11), их бесконечные соборы парализовывали деятельность государственных служб (ibid. XXI.16.18). Более резкий Либаний, характеризовал представителей клира

³⁵ Об иммунитетах клира см. [Elliott, 1978; Testa, 2001]

³⁶ [Дилигенский, 1969, с. 69].

³⁷ Как писал император Юлиан: «...когда пренебрегали бедняками и не заботились о них, нечестивые галилеяне, заметив это, посвятили себя филантропии и, приобретая этим славу, придали силу худшему из своих дел» (Jul. Ep. 45(89b)).

³⁸ См. Amm. XXI.16.19; XXII. 11.10

³⁹ См. Amm. XXVII.30.15

как «бледных, врагов богов..., что держатся около могил, чьей гордостью служит издевательство над Гермесом и Зевсом» (Lib. Or. LXII.10), а Юлиан как «тиранов» (Jul. Ep. 57(114)).

Антиязыческая деятельность государства и Церкви также вызывала неприятие значительной части куриального сословия. В каждой муниципии сосуществовало множество местных языческих культов. До тридцатых годов IV столетия их функционирование происходило за счет земельных имуществ языческих храмов. Вероятно, некоторые храмы были относительно бедны⁴⁰, в то время как другие располагали огромными богатствами⁴¹. Опираясь на сообщение Либания, писавшего об обширных земельных владениях, которые принадлежали «каждому богу» (Lib. Or. II.31), можно сделать вывод, что подавляющее большинство храмов располагало обширными угодьями. Не будучи в полной мере владениями города, эти земли, по существу, находились в ведении куриальной организации⁴², руководившей всеми делами местных культов: члены жреческих коллегий входили в состав городских куриий, а сами жреческие должности, по сути, являлись почетными магистратурами, распределением которых также ведали курии⁴³. Часть продукции храмовых хозяйств удерживалось жреческой коллегией, обогащая представителей местной знати⁴⁴. Однако большая часть доходов с храмовых владений шла на организацию религиозных празднеств и спортивных соревнований. Участие в них служило выражением полисного патриотизма, объединяло жителей общины в единый возглавляемый курией гражданский коллектив. Кроме того,

⁴⁰ См. [Ростовцев, 2001, с. 145]

⁴¹ На данный момент известен лишь один документ, содержащий информацию о масштабах храмового землевладения конца III – начала IV в. – декларация об имуществе жреческой коллегии египетского Панополя, составленная в 299 г. верховным жрецом Мина Аврелием Горионом. По данным этой декларации, коллегия владела несколькими земельными участками, общей площадью около 200 арур, а также получала ренту с 50 арур частновладельческой земли (P. Ammon. II.50).

⁴² [Курбатов, 1962, с. 76]

⁴³ См. СTh. XII.77. Так, например, о жреческой должности сириарха см. [Liebeschuetz, 1959] Некоторые жреческие должности, впрочем, были наследственными, однако занимавшие их лица все же являлись членами местных советов. Например элевсинское жречество на протяжении столетий передавалось по наследству в роду Эвмолпидов просуществовало вплоть до конца IV в. (См. Eunap. V. Soph. 476–477; [Clinton, 1974]). Согласно данным папирусного архива Аврелия Аммона традиционно наследуемым оставалось и египетское жречество, к IV в. уже прочно интегрировавшееся в грекоязычную муниципальную элиту. См. P. Ammon.I. 3–4.

⁴⁴ Например, в Египте первой половины IV в. глава жреческой коллегии нома имел право удерживать до десятой части доходов с храмовых земель на собственные нужды [Willis, Maresch, 1997, p. 44].

согласно Либанию, богатство храмов служило «общей помощью для молящих» (Lib. Or. II.30), жертвенное мясо шло «на помощь бедноте в среде старух, стариков, сирот-детей, страдающих всякими увечьями» (Lib. Or. XXX.19). Таким образом, распространение продуктов храмовых хозяйств, проводимое во время культовых мероприятий, помогало муниципальной организации поддержать полисный патриотизм, облегчать положение беднейших членов общины, и тем самым смягчать социально-экономические противоречия в полисе, закрепляя господство куриальных элит над городским плебсом⁴⁵. Отсюда замечание Либания: «сохранность городов (основана) на почитании богов» (Lib. Or. II.69).

Еще при Константине государство начало проводить конфискации храмовых земель⁴⁶ и изъятия храмовых сокровищ (Jul. Or. VII.288B–C; Lib. Or. XXX,6; LXII, 8–9; Anon. De Reb. Bell. II.1)⁴⁷. Уже в последние годы правления Константина были разрушены отдельные языческие святилища, культовые практики которых император считал аморальными⁴⁸. При его приемниках государство перешло в решительное наступление на язычество. В 341 г. и был издан закон, осуждавший жертвоприношения (CTh. XVI.10.2)⁴⁹. В 354 г.⁵⁰ Констанций II издал еще более суровый закон, предусматривающий закрытие всех языческих храмов империи и смертную казнь за принесение жертвы (CTh. XVI.10.4)⁵¹.

⁴⁵ [Zuiderhoek, 2009, p. 77].

⁴⁶ [Курбатов, 1962, с. 77; Jones, 1986, p. 92].

⁴⁷ Euseb. V.Const. III.54; Soz. II.5; Zos. II.31.

⁴⁸ Были уничтожены храмы Афродиты в Афаке и Гелиополисе, в которых практиковалась ритуальная проституция, в Эгиде Киликийской был срыт храм Асклепия (впрочем, Либаний приписывал разрушение этого храма Констанцию II (Lib. Or. XXX.38–39)), популярность которого среди местного населения мешала распространению христианства в регионе (Euseb. V. Const. III.55–58). В латинском переводе хроники Евсевия Константину приписывается указ, подразумевающий уничтожение всех языческих храмов (Jerom. Chron. 277). Свидетельства Юлиана (Jul. Or. 288b–c) и Либания (Lib. Or. XXX.38; LXII.6), утверждавших, что полномасштабное разрушение языческих храмов началось лишь при сыновьях Константина, отвергают факт существования данного закона.

⁴⁹ Несмотря на то, что эдикт исходил из канцелярии западного императора его действие распространялось и на провинции, находившиеся под управлением Констанция II. В своей автобиографии Либаний упоминал, что в период его обучения в Афинах, то есть в начале 40-х гг. IV в., родич его друга Криспина, живший в Геракле Понтийской, входившей в состав диоцеза Азия, отправлял ритуалы в честь богов, несмотря на существовавший запрет (Lib. Or. I.27), из чего следует, что действие антиязыческого законодательства 341 г. распространялось и на восточные провинции.

⁵⁰ О датировке данного эдикта см. [Pharr, 2001, p. 472].

⁵¹ В 356 г. закон был повторен (CTh. XVI.10.6).

Несмотря на суровую риторику законодательства, источники сообщают о множестве случаях пренебрежения императорскими указами. На протяжении большей части царствования Констанция II в ряде областей империи не прекращалось открытое отправление языческих обрядов⁵². Вместе с тем, в христианизированных регионах запрет на отправление языческого культа имел реальную силу⁵³. В областях, где новая вера имела значительное количество приверженцев, началось масштабное разграбление и разрушение языческих храмов. Как писал Либаний: «Констанций срыл храмы» (Lib. Or. LXXII.8)⁵⁴. Храмовые земли и богатства множества языческих святилищ были захвачены придворными императора, попали в руки новой знати либо Церкви (Lib. Or. XIII.45; XVII.7; XXX. 6; 37–38; Amm. XXII.4.3). «Другие присваивают священные участки», с горечью отмечал языческий ритор (Lib. Or. VII.10). Отторжение храмовых земель лишало курию средств на проведение общеполитических празднеств и религиозных церемоний: было прекращено распределение продуктов храмовых хозяйств среди населения, ослабло чувство политического патриотизма. По сути, утрата храмовых земель лишала курии экономических и идеологических рычагов влияния на плебс, способствовала умалению политического значения муниципальных советов.

Недовольство муниципальной аристократии антиязыческой деятельностью правительства и верхушки клира не следует рассматривать лишь в связи с тем ущербом, который эти акции влекли для политического и

⁵² В Египте (Евр. 35–36), Апамее Сирийской (Lib. Ep. 104F), Абиде (Amm. XIX.12.12), Елусе (Jerom. V. Hilar. 25), Геракле (Lib. Or. I.27). Императорские эдикты игнорировались не только простыми гражданами, но даже представителями провинциальной администрации. Около 343 г. три высших чиновника империи гарантировали неприкосновенность языческого культа и жречества в Дельфах [Hunt et al., 2008, p. 540]. Евнапий Сардский сообщает, что префект претории Иллирика Анатолий, во время своего посещения Афин, открыто посещал храмы и приносил жертвы богам (Eunap. V. Soph. 491–492).

⁵³ См. сообщения Либания о положении язычества в антиохийской округе и в Коринфе (Lib. Or. LXII.8; XVII.7; XIV.41). Ср. Opt. II.15. Очевидно, следует согласиться с предположением М. Зальцман, согласно которой, расплывчатый термин *superstitio*, использовавшийся в антиязыческих эдиктах Константа и Констанция для обозначения запрещенных практик, мог, в зависимости от религиозных предпочтений населения тех или иных территорий, трактоваться представителями местной администрации и как определение для всех языческих обрядов, и как термин, подразумевающий под собой лишь тайные гадания [Salzman, 1987]. Подтверждением данного предположения может служить свидетельство Аммиана Марцеллина, согласно которому, философ Деметрий Хитра, в 359 г. привлеченный к суду за жертвоприношение, был оправдан и отпущен после того как убедил судей, что отправлял языческие обряды «ради умилоствления бога, но никак не с целью посягать на что-то высшее» (Amm. XIX.12.12).

⁵⁴ О фактах разрушения храмов см.: Greg. Naz. Or. IV; Theod. HE. III.7; Soz. V.10.

экономического значения курий. Для многих представителей муниципальных элит язычество было неотделимо от культуры классической эпохи, составлявших основу самоидентификации образованных слоев населения грекоязычного востока⁵⁵. Неслучайно, уже в начале IV в. термин «эллин», обозначающий принадлежность человека к греческой культурной традиции, стал использоваться едва ли не исключительно для обозначения язычников⁵⁶. Проводимое под знаменами христианства разрушение храмов, захват храмовых сокровищ, глумление над объектами языческого культа, вызывали отвращение значительной части образованного общества⁵⁷.

Неприязнь, которую испытывали члены полисной аристократии к христианизированному двору, принявшим новую веру представителям новой знати, к клирикам из числа декурионов (иммунитеты которых усиливали тяготы муниципальных литургий для членов муниципальных советов) и к церковной организации, чье экономическое и политическое влияние подрывало позиции курии, переходила на всю христианскую религию и на всех членов христианской общины⁵⁸. В ряде регионов полисная знать была склонна прямо объяснять ухудшение своего положения упадком язычества и распространением новой религии. На протяжении всего IV в. курии многих городов империи, пытаясь остановить распространение христианства и

⁵⁵ Так например, Либаний ставил в один ряд языческие культы, греческую образованность и полисный строй. См. Lib. Or. II.74. Наиболее ярко идея единства греческой культуры, религии и политической организации проявлялась в религиозно-политической концепции Юлиана Отступника. См. [Downey, 1959]

⁵⁶ См. [Bowersock, 1990, p. 1–13; Kahlos, 2007, p. 21–22]. Интересно отметить, что в IV в. термин «эллин» стал использоваться для обозначения язычников не только в греческом, но также в сирийском и коптском [Alston, 2001, с. P. 284].

⁵⁷ Выражением этих настроений может служить отрывок из речи Либания, посвященной коринфскому декуриону Аристофану: «Он явился к остаткам храмов, принося с собою не ладан, не жертву, не огонь, не возлияние, – этого нельзя было, – но страдающую душу, но голос с рыданием и слезами, будящий слезы, и со взором, потупленным в землю...» (Lib. Or. XIV.41). Ср. Lib. Or. XVIII.22–23.

⁵⁸ Нельзя утверждать, что подобные настроения были характерны для всех представителей муниципальной аристократии. Многие представители языческой знати, прежде всего, те, кто проживал в регионах, где христианские общины имели давнюю историю, не ставили знак равенства между христианской верой и деятельностью отдельных христиан (См.: Amm. XXI.16.18; XXII.16.22). Вне зависимости от религиозных предпочтений образованную прослойку правящего класса восточных провинций объединяла принадлежность к единой культурной традиции, общие социальные и экономические интересы. Так, о христианах в окружении Либания см. [Cribiore, 2013, p. 182–191; Maxwell, 2006, p. 31–32].

усиление Церкви, выступали инициаторами и организаторами антихристианских выступлений⁵⁹.

Таким образом, в 30 – 50-е гг. IV в. политика государственной власти, способствовавшая ослаблению муниципального строя, злоупотребления придворных и чиновников, равно как и рост влияния Церкви вызвали усиление оппозиционных настроений среди куриальной аристократии и тесно связанной с ней интеллигенции восточных провинций. Критика, которой подвергались императоры Константин I и Констанций II в трудах представителей куриальной оппозиции, являлась прямым следствием ухудшение социально-экономического и политического положения муниципальной знати в первой половине IV в.

Список литературы

1. *Ведешкин М.А.* Языческая оппозиция христианизации восточноримского города (на примере Газы Палестинской) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. Т. 1. № 25. С. 11–18.
2. *Грушевой А.Г.* Очерки экономической истории Сирии и Палестины в древности (I в. до н.э. - VI в. н.э.). Спб.: Нестор-История, 2013. 380 с.
3. *Дилигенский Г.Г.* Северная Африка в IV – V веках. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1961. 301 с.
4. *Князьский И.О.* Император Диоклетиан и закат античного мира. Спб.: Алетейя, 2010. 144 с.
5. *Коптев А.В.* От прав гражданства к праву колоната. Формирование крепостного права в поздней Римской империи. Вологда: Изд-во «Ардвисура», 1995. 264 с.
6. *Курбатов Г.Л.* Ранневизантийский город: Антиохия в IV веке. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1962. 296 с.
7. *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранневизантийского общества (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980. 176 с.
8. *Ростовцев М.И.* Общество и хозяйство в Римской империи. Том II. Спб.: Наука, 2001.

⁵⁹ Ярким примером противостояния курии и церковной организации в IV в. является история межрелигиозного конфликта в Газе Палестинской. См. [Ведешкин, 2013].

9. *Сергеев В.С.* Очерки по истории древнего Рима. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 832 с.
10. *Серов В.В.* Эволюция процедуры сборов налогов в ранней Византии в конце III — начале IV в. // АДСВ. 1999. № 30. С. 38–50.
11. *Серов В.В.* Административная политика ранней Византии: I. Антикоррупционные меры // АДСВ. 2000. Т. 31. С. 31–44.
12. *Фихман И.Ф.* Оксиринх город папирусов. М.: Наука, 1976. 341 с.
13. *Фурман Д.Е.* Борьба императора Юлиана с коррупцией государственного аппарата // Вестник Московского Университета. 1968. Т. VI. С. 65–71.
13. *Alston R.* The City in Roman and Byzantine Egypt. London ; New York: Routledge, 2001. 496 p.
14. *Bowersock G.* Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990. 121 p.
15. *Campbell B. et al.* The Cambridge Ancient History: The Crisis of Empire, A.D. 193 – 337 / Ed. by A. Bowman, P. Garnsey, A. Cameron. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 983 p.
16. *Clinton K.* The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries // Transactions of the American Philosophical Society. 1974. Т. 64. № 3. P. 1–143.
17. *Cribiore R.* Libanius the Sophist: Rhetoric, Reality, and Religion in the Fourth Century. Ithaca: Cornell University Press, 2013. 272 p.
18. *Downey G.* Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture // Church History. №. 28. 1959. P. 339–343.
19. *Elliott T.G.* The Tax Exemptions Granted to Clerics by Constantine and Constantius II // Phoenix. 1978. Т. 32. № 4. P. 326–336.
20. *Heather P., Moncur D.* Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations. Liverpool: Liverpool University Press, 2001. 320 p.
21. *Hunt D. et al.* The Cambridge Ancient History: The Late Empire, A.D. 337-425 / Ed. by A. Cameron, P. Garnsey. : Cambridge University Press, 2008. 905 p.
22. *Jones A.H.M.* Census Records of the Later Roman Empire // The Journal of Roman Studies. 1953. Т. 43. P. 49–64.
23. *Jones A.H.M.* The Later Roman Empire, 284-602: A Social, Economic, and Administrative Survey. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.
24. *Jones A.H.M.* Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford: Clarendon Press, 1998. 614 с.
25. *Kahlos M.* Debate and dialogue: Christian and pagan cultures c. 360-430. Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd., 2007. 236 p.

26. *Liebeschuetz W.* The Syriarch in the Fourth Century // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1959. T. 8. P. 113 – 126.
27. *Maxwell J.L.* Christianization and Communication in Late Antiquity: John Chrysostom and his Congregation in Antioch. New York: Cambridge University Press, 2006. 159 p.
28. *Pharr C.* The Theodosian Code and Novels and the Sirmondian Constitutions. Union, N.J: The Lawbook Exchange, Ltd., 2001. 643 p.
29. *Salzman M.R.* «Superstitio» in the «Codex Theodosianus» and the Persecution of Pagans // *Vigiliae Christianae*. 1987. T. 41. № 2. P. 172–188.
30. *de Ste Croix G.* The Class Struggle in the Ancient Greek World: From the Archaic Age to the Arab Conquests. Ithaca, N.Y: Cornell University Press, 1989. 732 c.
31. *Testa R.L.* The Bishop, Vir Venerabilis: Fiscal Privileges and Status Definition in Late Antiquity // *Studia patristica*. 2001. T. 34. C. 125–144.
32. *Vanderspoel J.* Themistius and the imperial court: oratory, civic duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 308 c.
33. *Willis W.H., Maresch K.* The Archive of Ammon Scholasticus of Panopolis. The Legacy of Harpocraton. / Ed. by W.H. Willis, K. Maresch. Koln: Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 1997.
34. *Zuiderhoek A.* The politics of munificence in the Roman Empire: citizens, elites, and benefactors in Asia Minor. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2009.